

**ГАНС  
ХРИСТИАН  
АНДЕРСЕН**

ВОЛШЕБНЫЙ ХОЛМ

Ганс Андерсен  
**Волшебный холм**

«Public Domain»

1845

## **Андерсен Г. Х.**

Волшебный холм / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1845

«Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричьи.— Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! – сказала одна ящерица. – Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят – тогда я тоже не сплю...»

# Содержание

## Ганс Христиан Андерсен Волшебный холм

Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричьи.

– Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! – сказала одна ящерица. – Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят – тогда я тоже не сплю.

– Там что-то затевается, – сказала другая. – Холм, как подыметя на своих четырёх красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, – верно, хотяг его хорошенько проветрить, – а дочери лесного царя выучились новым танцам с притоптыванием. Да, что-то затевается!

– Я говорила с одним моим знакомым, дождевым червяком, – сказала третья. – Он только что выполз из холма, где дни и ночи рылся, и там подслушал кое-что. Видеть эта жалкая тварь ничего не видит, зато бродить ощупью да подслушивать – мастер. В холме ожидают заморских гостей! Важных-преважных! Кого именно – дождевой червяк сказать не хотел, да, пожалуй, и сам не знал. Все блуждающие огоньки приглашены участвовать в факельном шествии – как это у них называется! И всё золото и серебро – а этого добра у них в холме довольно – начищают до блеска и выставляют сушиться на лунный свет.

– Каких же это таких гостей ждуг? – толковали ящерицы. – Что там затевается? Слышите, слышите, как там шумит и гудит?

В эту самую минуту холм лесных духов раскрылся, и оттуда, семена ножками, выскочила старая лесная дева; у неё не было спины, но одета она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у неё так и работали: топ! топ! – и она живо очутилась в болоте у ночного ворона<sup>1</sup>.

– Вас приглашают в холм сегодня же ночью, – сказала она. – Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу – оповестить остальных приглашённых. Надо же быть чем-нибудь полезным – своего хозяйства у вас ведь нет! Мы ждём очень важных чужеземцев, троллей с большим весом, и наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

– Кого же приглашать? – спросил ночной ворон.

– На большой бал может явиться кто угодно, даже люди, если только они говорят во сне или вообще отличаются чем-нибудь в нашем роде. Званный обед – дело другое, тут надо выбирать да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я уж и то спорила с лесным царём насчёт привидений: по-моему, и их нельзя допускать! Прежде всего придётся, конечно, позвать морского царя с дочерьми; они не очень-то любят выходить на сушу, ну да ничего, мы посадим их на мокрый камень или ещё что-нибудь придумаем – надеюсь, не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого класса, с хвостами, затем водяного и домашних, и, наконец, я думаю, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мёртвую лошадь<sup>2</sup> и церковного карлика: правда, они принадлежат к духовенству и у нас с ними ничего общего, однако же как-никак родня, они нас не забывают и наносят визиты.

– Кар! – крикнул ночной ворон и полетел приглашать.

Дочери лесного царя уже плясали на холме с длинными шарфами, сотканными из тумана и лунного света, – это очень красиво, по мнению тех, кому такие вещи нравятся. Парадная зала

<sup>1</sup> Привидение в виде ворона с пробитым левым крылом. Происхождение его, по народному поверью, следующее: в старину, при появлении какого-нибудь человеческого привидения, прибежали к помощи священника; тот вгонял его заклинаниями в землю и затем втыкал на том месте осиновый кол. В полночь раздавался крик: «Освободи!» Кол вынимали, и привидение навсегда оставляло местность, улетев в виде ворона. *Примеч. перев.*

<sup>2</sup> По народному датскому поверью, под каждую вновь строящейся церковью следовало зарывать живую лошадь или свинью. Привидения этих животных, бродящие по ночам вокруг человеческих жилищ и предвещающие смерть кого-либо из живущих в них, и называются мёртвой лошадей и могильной свиньёй. *Примеч. перев.*

холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натёрты ведьминым салом, так что светились, как лепестки тюльпанов, пронизанные солнечным светом! В кухне жарились на вертелах сотни лягушек, готовились ужиные шкурки с начинкой из детских пальчиков и салат из мухоморов, сырых мышинных мордочек и белены. Пиво привезли от самой болотницы<sup>3</sup>, из её пивоварни, а искромётное селитровое вино добыто из могильных склепов; словом, всё было как следует. К десерту готовились груды ржавых гвоздей и осколки церковных стёкол.

Старый лесной царь велел вычистить свою золотую корону толчёным грифелем; для этого нужно было добыть грифели первых учеников, а это для лесного царя очень трудно. В спальне повесили занавески и прикрепили их слюной ужа. Вот возня-то была! Недаром шумело и гудело.

– Теперь остаётся покурить здесь волосом и щетиной – и моё дело сделано! – сказала старая лесная дева.

– Папаша! – заговорила самая младшая дочка. – Скажи же, наконец, кто такие эти важные гости?

– Так и быть, – отвечал лесной царь, – скажу. Две из моих дочерей должны быть наготове. Две уж непременно выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живет в скале Довре, владелец множества гранитных дворцов и золотых россыпей, – они у него лучше, чем думают, – едет сюда женить двоих своих сыновей. Старый тролль – истый норвежец старинной закалки, весёлый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили с ним на «ты», когда он приезжал сюда жениться. Жена его уж умерла; она была дочь короля меловых утесов на Мёне. Ах, как мне хочется поскорее увидеть старого тролля! Сыновья-то у него, как слышно, не задались, задиры какие-то неотёсанные. Ну, да это, может быть, пустые слухи; к тому же они с годами ещё исправятся. Надеюсь, вы сумеете вышколить их!

– А когда они будут здесь? – спросила одна из дочерей.

– Смотря по погоде и по ветру, – сказал лесной царь. – Они очень расчётливы и едут морем с оказией. Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор ещё косится в ту сторону. Он немножко отстал от века, и вот это мне не нравится.

Вдруг к ним поскакали во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька: один был проворнее другого и прибежал первым.

– Едут, едут! – кричали они.

– Подайте мне мою корону и пустите меня на лунный свет, – сказал лесной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присели чуть не до земли.

Старый тролль из Довре был в короне из ледяных сосуллек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и меховых сапогах. А сыновья его ходили, напротив, с голыми шеями и без подтяжек, чтобы показать свою закалку.

– Разве это холм? – спросил младший, указывая пальцем на холм лесных духов. – По-нашему, по-норвежски, это – дыра!

Вот так молодцы! – сказал старый тролль. – Дыра идет вниз, а холм вверх! Что ж вы ослепли, что ли?

Особенно удивляло молодцов, по их словам, то, что они так скоро выучились понимать здешний язык.

– Ну, ну, только не представляйтесь, пожалуйста, – сказал им отец. – Можно подумать, что вы совсем неучи.

Потом все вошли в холм, где собралось самое что ни на есть избранное общество, да притом так скоро, точно их всех ветром намело. Каждому было приготовлено особое удобное местечко; морские гости сидели за столом в больших чанах с водой и чувствовали себя совсем

---

<sup>3</sup> «Баба-болотница варит пиво» – говорят датчане при виде поднимающегося над болотами тумана. *Примеч. перев.*

как дома. Все вели себя за столом очень прилично, кроме молодых норвежцев-троллей. Они положили ноги на стол, думая, что у них всё выходит мило.

– Ноги долой! – сказал старый тролль, и они послушались, хотя и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками – у них были полные карманы этих шишек, – потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их держать дамам. Старый тролль вел себя совсем не так: он рассказывал чудеснейшие истории о величественных норвежских скалах, о пенящихся водопадах, которые с гулом и рёвом, подобным раскатам грома и звукам органа, низвергаются в пучину; рассказывал о лососях, что прыгают и борются с течением под звуки золотой арфы водяного; рассказывал о звёздных зимних ночах, когда весело звенят упряжные бубенчики, а молодые парни бегают с горящими смоляными факелами по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы. Да, умел-таки он рассказывать! Слушатели словно видели и слышали всё сами: водопады и водяные мельницы шумели, деревенские парни и девушки пели и отплясывали халлинг. Ух, как! И старый тролль так расхотелся, что вдруг чмокнул старую лесную деву, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были.

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых и с притоптыванием, и, наконец, должны были исполнить самый затейливый, проделать то, что они называли выйти из хоровода.

Эх! как они пошли вытягиваться! Где начало, где конец, где рука, где нога – ничего не разберёшь, точно стружки закрутились! Под конец они так завертелись, что мёртвую лошадь затошнило и она принуждена была выйти из-за стола.

– Бррррр! – сказал старый тролль. – Вот так задали работу своим ножкам! А что они ещё умеют, кроме плясок, вытягивания ножек и головокружения?

– А вот сейчас узнаешь, – сказал лесной царь и вызвал самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, как лунный свет; это была самая нежная и изящная из всех сестёр: она взяла в рот белый прутик, и вдруг – нет её, исчезла без следа! Вот было и все её искусство.

Но старый тролль сказал, что такое искусство в жене ему вовсе не по вкусу, да и сыновьям его вряд ли понравится.

Вторая умела ходить сбоку самой себя – выходило, точно у нее была своя тень, а у троллей и духов её ведь не бывает!

Третья сестра была совсем иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабки-болотницы и отлично умела шпиговать болотные кочки светляками.

– Из неё выйдет отличная хозяйка! – сказал старый тролль, но чокаться с ней не стал, а только подмигнул – он боялся выпить слишком много.

Четвёртая вышла с золотой арфой в руках, ударила по одной струне, и все должны были поднять левую ногу – тролли и духи все ведь левши, – ударила по другой, и все должны были плясать под её музыку.

– Опасная особа! – сказал старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли из зала – им уж надоело всё это.

– А следующая что умеет? – спросил старый тролль.

– Любить всё норвежское, – сказала та. – Я выйду замуж только за норвежца.

А самая младшая сестра шепнула старому троллю на ухо:

– Это она узнала из одной норвежской песни, что при светопреставлении, когда всё рушится, уцелеют одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию: она страсть боится погибнуть.

– Эге! – сказал старый тролль. – Вот оно что! А седьмая и последняя что умеет?

– Перед седьмой есть ещё шестая, – сказал старый лесной царь – он умел считать.

Но шестая не хотела даже показаться.

– Я умею только говорить правду в глаза, – сказала она. – Поэтому я никому не нужна, да и дела у меня по горло: я шью себе погребальный саван.

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умела? Да она умела рассказывать сказки о чём угодно и сколько угодно.

– Вот тебе мои пять пальцев, – сказал старик тролль, – Расскажи мне сказку о каждом.

И она взяла его руку и принялась рассказывать, а он смеялся до колик. Когда же она дошла до Златоперста, опоясанного золотым кольцом, словно в ожидании обручения, старик сказал:

– Стой! Держи его крепче! Рука эта – твоя! На тебе я сам женюсь!

Сказочница возразила, что он ещё не дослушал о Златоперсте и о Петрушке-Бездельнике.

– Зимой дослушаем, – сказал старый тролль. – Послушаем тогда и о них, и об ёлке, и о берёзке, и о трескучих морозах, и о дарах хульдры. Тебе предстоит отличиться у нас; там в Норвегии никто не умеет так рассказывать. Мы будем сидеть в горной пещере, при свете сосновых лучин, и пить мёд из золотых рогов викингов. Водяной подарил мне парочку таких рогов. И Гарбу придёт к нам в гости и споёт тебе все песни горных пастушек. Вот веселье-то пойдёт у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены пещеры; только не попасть им к нам! Эх! Хорошо в вашей(?) старой славной Норвегии!.. А где же мои молодцы?

Да, куда же они девались? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

– Что вы шлёпаетесь? – сказал старый тролль. Я вот взял вам мать, а вы можете взять за себя которую-нибудь из тёток.

Но молодцы сказали, что им больше нравится пить на «ты» и говорить речи, а жениться вовсе не хочется. И вот они говорили речи, пили на «ты» и потом опрокидывали кубки себе на ноздь – это значило, что в них не осталось ни капли. Наконец они сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать: они нисколько не стеснялись. А старый тролль пустился со своею молодою невестой в пляс и потом поменялся с ней сапогами – это поновее, чем меняться кольцами!

– Чу! Запел петух! – сказала старая ключница. – Пора закрывать ставни, чтобы солнце не спекло нас.

И холм закрылся.

А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперёд ящерицы и тараторили:

– Ах, как мне понравился старый норвежский тролль!

– По-моему, молодёжь лучше! – сказал дождевой червяк, но ведь он был слеп, жалкая тварь!